

УДК 343.8

DOI: 10.17223/22253513/33/14

В.А. Уткин

ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

На основе анализа нормативных правовых актов Российской империи XIX–XX вв. и научной литературы определяются теоретические предпосылки и основные направления становления и развития отечественной прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы. Автор приходит к выводу, что вплоть до Первой мировой войны российская пенитенциарная система в целом все же не оставалась в данном отношении «белым пятном» на «пенитенциарной карте» Европы.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения Российской империи, прогрессивная система отбывания наказания.

Исторически сложившееся в пенитенциарной науке понимание прогрессивной системы, в сущности, сводится к изменению условий отбывания наказания в лучшую или худшую для осужденного сторону в зависимости от его поведения¹. В целом такой порядок отбывания наказания призван стимулировать исправление осужденных, правопорядок в учреждениях и подготовку осужденных к последующей жизни на свободе. Хотя пенитенциарные учреждения разных стран имеют те или иные отличия, о наличии в них прогрессивной системы отбывания наказания свидетельствуют закрепленные в законодательстве категоризация осужденных и возможности их перевода из одного учреждения в другое или (и) изменение условий содержания в пределах одного учреждения, а также особый порядок сокращения срока наказания (досрочное условное или безусловное освобождение).

Как писал 1889 г. видный российский пенитенциарист профессор И.Я. Фойницкий, основная идея прогрессивной системы отбывания наказания «заимствуется из сферы психологии и покоится на мысли, что успех тюремной деятельности наиболее обеспечен, если к споспешествованию ему привлечены нами заключенные... Лучшей для этого мерой представляется такое устройство наказания, при котором участь каждого заключенного ставится в зависимость от него самого, от его поведения и прилежания. И так как сознание об этом должно поддерживаться постоянно, то заключение следует распределить на несколько последовательных ступеней, от

¹ В некоторых работах дореволюционных российских юристов термин «прогрессивная» трактовался как «передовая», «новая», «лучшая» и т.д., что, впрочем, не противоречило его специально-юридическому пониманию.

более строгих к более льготным, постепенно переводя заключенного с низших на высшие по мере его заслуг [1. С. 330].

Известно, что на этом принципе основывались первые в истории прогрессивные системы отбывания лишения свободы: английская (М. Мэкончи, 1840) и ирландская (В. Крафтон, 1854), подробное изложение которых содержится в упомянутой работе И.Я. Фойницкого [Там же] и трудах других авторов [2. С. 16–27].

Наряду с иными достижениями пенитенциарной практики английская и ирландская системы тюремного заключения становятся предметом рассмотрения ряда международных тюремных конгрессов, вторая серия которых стала созываться с 1872 г. [3. С. 8]. Одним из основоположников прогрессивной системы – М. Мэкончи – даже называли «великим человеком в своей специальности, считали тем же, что Лавуазье в химии, что Коперник в астрономии» [4. С. 707].

В последующие годы, на рубеже XIX и XX вв., международные тюремные конгрессы созывались неоднократно: в Стокгольме (1878), Риме (1885), Петербурге (1890), Париже (1895), Брюсселе (1903), Будапеште (1905), Вашингтоне (1910), Лондоне (1925) и других городах. Всего состоялось 12 таких конгрессов. В их работе принимали участие видные ученые, практические работники, руководители пенитенциарных служб. Отличительной их особенностью стало повышенное внимание к передовому опыту разных стран в области пенитенциарного законодательства и тюремной практики, в том числе применительно к прогрессивной системе отбывания наказания.

В какой степени в этом отношении был значим опыт России? Ответ на этот вопрос непрост и зависит прежде всего от общей оценки состояния российского пенитенциарного дела в конце XIX – начале XX в.

Известно, что многие российские ученые того периода (С.В. Познышев, И.Я. Фойницкий, В.Д. Спасович и др.) приветствовали складывающуюся на Западе прогрессивную систему отбывания лишения свободы. Как свидетельствует, в частности, М.Г. Детков, в теории пенитенциарного дела в России в конце XIX в. начинают закладываться прогрессивные тенденции развития системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, предпринимаются попытки классификации преступников, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний [5. С. 36]. В то же время автор соглашается в общей оценке этого периода с С.В. Познышевым, который в 1924 г. писал: «В России в недалеком прошлом не было спроса на пенитенциарные знания, потому что вся сложность, психологическая трудность и громадное социальное значение пенитенциарного вопроса не осознавались... Строгий и распорядительный начальник, крепкие замки и решетки, наружная дисциплина и отсутствие побегов – вот все, что, казалось, нужно у нас для хорошей постановки пенитенциарного дела» [6. С. 35–36].

Разделяя такую позицию, Ю.М. Ткачевский уже в начале третьего тысячелетия писал: «Прогрессивные тенденции в деятельности мест лишения свободы, некоторые улучшения порядка в тюрьмах не означают начала перехода к “прогрессивной системе” исполнения лишения свободы, ибо

основа ее функционирования – изменение условий содержания осужденных в лучшую или худшую сторону в зависимости от их поведения – не была установлена законом. Громоздкая, косная тюремная система Царской России не была расположена к подобного рода новации» [2. С. 38].

Безусловно, С.В. Познышев, будучи представителем «старой школы» отечественных пенитенциаристов, в своей оценке в 1924 г. тюремной системы Российской империи конца XIX – начала XX в. также в полной мере не был свободен от идеологической, классовой подоплеку такой оценки. Подобную позицию предельно ясно позднее выразил другой выдающийся пенитенциарист М.Н. Гернет в фундаментальном труде «История царской тюрьмы»: «Подход к тюремному заключению как к одному из участков классовой борьбы представляет общественный интерес и *значение*» [7. С. 12].

Отсталость и архаичность многих сторон царской судебной системы отмечали и ее современники. В 1913 г. П.И. Люблинский писал: «В тюремном деле господствуют рутинизм, крайняя неподготовленность тюремной администрации, отсутствует сколько-нибудь индивидуализирующий режим» [8. С. 10]. Еще раньше образованная в 1878 г. особая комиссия из членов Государственного совета по реформированию уголовного и пенитенциарного законодательства, помимо прочего, поддерживая основные подходы прогрессивной системы, пришла, однако, к выводу, что, поскольку в России практически отсутствовал опыт улучшенного содержания преступников, закрепить вопросы тюремного устройства в законодательном порядке было бы преждевременно [9. С. 83].

Тем не менее исключительно негативная оценка российской пенитенциарии конца XIX – начала XX в. применительно к прогрессивной системе отбывания наказания, на наш взгляд, все же не является обоснованной.

Действовавшие в этот период нормативные правовые акты не дают повода для подобного одностороннего вывода. В данном случае нам придется полемизировать, в частности, с Ю.М. Ткачевским, который, как следует из приведенной выше цитаты, считал основой функционирования прогрессивной системы установление ее законом.

Как отмечал И.Я. Фойницкий, «почин тюремной реформы в России дало военное Министерство» [1. С. 323]. Его проект о «военно-исправительных ротах» в 1867 г. приобрел силу закона [10. С. 21]. Согласно этому документу арестанты в таких ротах поступали в разряд испытуемых. Испытуемые в течение половины срока заключения в этом разряде содержались в одиночном заключении, затем переводились на порядок ночного разъединения с общими работами. За хорошее поведение они могли быть переведены в разряд исправляющихся. Состояние в этом разряде давало осужденным право на сокращение на треть срока, назначенного судом.

Аналогичные начала стали внедряться и в военно-исправительных тюрьмах, в частности в Санкт-Петербургской исправительной тюрьме морского ведомства.

Подобным образом они стали осуществляться и при каторжных работах. В соответствии с Уставом о ссыльных арестанты каторжных работ

первоначально поступали в отряд испытуемых, срок заключения в которых определялся строгостью судебного приговора (от 6 месяцев до 8 лет). Подавшие в течение этого срока надежду на исправление «доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбия (ст.ст. 569, 576 Устава о ссыльных)» переводились в отряд исправляющихся. Арестанты этого отряда содержались без оков и при возможности проживали и привлекались к труду отдельно от иных. В некоторые праздники они вообще освобождались от работы, а лучшим из них мог быть поручен надзор за другими осужденными. По истечении некоторого времени (от 1 до 3 лет) нахождения в отряде исправляющихся им могло быть разрешено жить не в остроге, а в комнатах заводских мастерских или построить себе дом на земле, принадлежащей заводу, а также вступать в брак. Нуждающимся могла быть для этого оказана материальная помощь.

При всем том в 1889 г. И.Я. Фойницкий писал, что постановления законодательства о стимулировании как орудии тюремного воспитания в их значительной части оставались «мертвой буквой», так как решение вопроса, заслуживает ли арестант перевода в высший класс, ставилось в полную зависимость от тюремного начальства. Как отмечал ученый, «в результате получался или односторонний формализм, или полный произвол, оба одинаково калечившие все начала постепенности» [1. С. 380].

В декабре 1879 г. Император Александр III утвердил закон «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и пересмотре Уложения о наказаниях». Хотя, по свидетельству современников (в том числе М.Н. Гернета), сколько-нибудь значительного влияния на состояние пенитенциарной системы этот закон не оказал, отдельные его положения нашли отражение в последующих законодательных актах, и прежде всего – в новой редакции Устава о содержащихся под стражей 1832 г. Такое обновление состоялась в 1890 г.

В редакции 1890 г. Устав включил в себя новый раздел – Отделение шестое, именуемое «Об арестантах отряда исправляющихся» [11], положения которого распространялись на арестантские исправительные отделения.

Согласно ст. 312 Устава заключенные, отличившиеся в течении двухлетнего пребывания в отделении «добрым поведением, исполнением обязанностей веры и привлечением к труду или успехами в изучении мастерства», переводились в особый отряд исправляющихся¹. Такие осужденные получали одежду, отличную от положенной другим арестантам.

Назначение заключенных в отряд исправляющихся проводилось коллегиальным органом (совещанием) с участием начальника, духовного отца исправительно-арестантского отделения, представителя попечительства и утверждалось губернским правителем или градоначальником по территории расположения места заключения. Решение о переводе заключенных в отряд исправляющихся объявлялось общему собранию арестантов (ст.ст. 318–319 Устава).

¹ Это правило не распространялось на осужденных-бродяг.

При этом для перевода в отряд исправляющихся Устав о содержании под стражей (ст. 320) определял ряд ограничений. Не могли быть переведены в отряд исправляющихся арестанты, избитые в двукратном побеге или покушении на побег. Если со времени поступления в арестантское отделение заключенный дважды подвергался телесному наказанию, то его перевод в отряд исправляющихся был возможен не ранее истечения двух лет со дня применения последнего наказания.

В соответствии со ст. 295 Устава отдельное содержание осужденных отряда исправляющихся от других арестантов отводилось на усмотрение начальника исправительного арестантского отделения.

Как указывалось в ст. 316 Устава, заключенные отряда исправляющихся по прошествии некоторого времени по усмотрению начальника отделения могли допускаться к надзору за работами других арестантов.

Возможны были и обратные переводы. Согласно ст. 321 Устава, если арестанты «окажутся недостойными сего и не оправдают ожиданий начальства, предавшись снова порокам», они обращаются в число обычных арестантов, лишаясь всех преимуществ осужденных отряда исправляющихся. Новый перевод в отряд исправляющихся мог состояться не ранее, чем через три года после возврата осужденного и в общем порядке.

Завершающую стадию прогрессивной системы, как известно, составляет досрочное освобождение. Закон Российской Империи 1909 г. «Об условном досрочном освобождении» внес ряд важнейших дополнений в Устав о содержании под стражей: в нем появилась гл. 9 аналогичного наименования. В соответствии со ст. 417 Устава условно-досрочное освобождение могло быть предоставлено заключенным, «если их одобрительное поведение дает достаточные основания полагать, что по освобождении из заключения они будут вести добропорядочный образ жизни».

Условно-досрочное освобождение могло применяться по истечении не менее трех четвертей срока наказания и не менее шести месяцев. Не подлежали условно-досрочному освобождению осужденные за конокрадство и осужденные, которые после освобождения подлежали выдворению в Якутскую область или ссылке на поселение.

Нормативное закрепление рациональных принципов сложившегося в начале XX в. обращения с заключенными нашло отражение в утвержденной Министерством юстиции в декабре 1915 г. Общей тюремной инструкции. Применительно к элементам прогрессивной системы отбывания наказания заслуживает внимания положение о дифференциации заключенных, отраженное в п. 153: «При размещении арестантов по камерам наблюдается, чтобы различные категории арестантов: по полу, возрасту, судимости, разрядам (*испытываемые, исправляющиеся и пр.*) и срокам заключения по возможности не содержались совместно (курсив мой. – В.У.)».

Пункт 295 Инструкции запрещал «всякое не предусмотренное законом смягчение или отягчение условий содержания арестантов». Однако при применении общих правил внутреннего тюремного распорядка арестантам, отличающимся «хорошем поведением и прилежанием к труду, предостав-

ляются в пределах указанных правил соответствующие льготы и поощрения, в частности и в виде предоставления к условно-досрочному освобождению».

Практическая реализация соответствующих нормативных установлений, конечно, осуществлялась в стране неравномерно и чаще всего оставляла желать лучшего. Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что Общая тюремная инструкция была принята в разгар Первой мировой войны. В то же время справедлив вывод, что применительно к прогрессивной системе отбывания наказания уголовно-исполнительная система Российской империи в конце XIX – начале XX в. все же не оставалась «белым пятном» на «пенитенциарной карте» Европы.

Литература

1. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М. : Добросвет ; Городец, 2000. 464 с.
2. Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М. : Серцало, 1997. 144 с.
3. Стручков Н.А., Бажанов О.И., Ускова И.Б. Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне. Рязань : РВШ МВД СССР, 1977. 65 с.
4. Анненков М.Н. Международный тюремный конгресс и английские тюрьмы // Вестник Европы. 1837. Т. 1, кн. 2. С. 701–721.
5. Дедков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М. : Вердикт 1-М. 1999. 448 с.
6. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1924. 331 с.
7. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. Т. 1. 248 с.
8. Любинский П.И. Условное освобождение и неопределенные приговоры // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 3. С. 3–12.
9. Печников А.П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 – октябрь 1917 г.). М. : Щит-М, 2004. 325 с.
10. Никитин В.Н. Быт арестантов в крепостях. СПб. : Издание Колесова и Михина, 1873. [4], 528, [4] с.
11. Полный свод законов Российской Империи. СПб. : Изд-во юрид. кн. магазина И.И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1911. Кн. 2, т. XIV. Стб. 3427–3492.

Utkin Vladimir A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

PROGRESSIVE SYSTEM OF SERVING CUSTODIAL SENTENCES IN RUSSIA AT THE TURN OF THE 19TH AND 20th CENTURIES

Keywords: penitentiary institutions of the Russian Empire, progressive system of serving sentences.

DOI: 10.17223/22253513/33/14

The progressive system of serving custodial sentences in Russia began to develop in the late 19th century, taking into account the decisions of international penitentiary congresses and foreign experience. Despite the backwardness of the tsarist penitentiary system, its exceptionally negative assessment in the scientific literature is hardly well-grounded. Several regulations of the Russian Empire during this period show the legislators' desire to encourage positive law-abiding behaviour of prisoners by improving their conditions of detention up to their parole.

The basic idea of a progressive system of serving a sentence was based on the fact that the position of each prisoner depended on his conduct. In the middle of the 19th century, the

Anglo-Irish system of serving custodial sentences was based on this principle. It has since been disseminated internationally through international prison congresses. Many Russian scientists supported such a system.

The beginning of the reform of prison legislation and penitentiary practice in Russia was made by the law on "military-correctional companies (1967)," which provided for the division of prisoners into several categories under their conduct and staid correction. Similar principles were introduced under hard labour based on amendments to the Statute on the exiles.

The Detention Charter (1832) amended in 1890 specifically provided for the so-called "squads of those reforming themselves." The final stage of the progressive system was the Russian Empire's Parole Act of 1909. Finally, the normative consolidation of the rational principles of the treatment of prisoners at the beginning of the 20th century was reflected in the General Prison Instruction approved by the Ministry of Justice in December 1915.

Although the implementation of the relevant regulations was uneven and often left much to be desired, it is fair to conclude that in the case of the progressive system of serving the sentences in the late 19th and early 20th century, the penal system of the Russian Empire was not a "white spot" on the "penitentiary map" of Europe.

References

1. Foynitsky, I.Ya. (2000) *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow: Dobrosvet; Gorodets.
2. Tkachevsky, Yu.M. (1997) *Progressivnaya sistema ispolneniya ugovolnykh nakazaniy* [Progressive penal system]. Moscow: Zertsalo.
3. Struchkov, N.A., Bazhanov, O.I. & Uskova, I.B. (1977) *Obsuzhdenie penitentsiarnykh problem na mezhdunarodnom urovne* [International Discussion of Penitentiary Issues]. Ryazan: The USSR Ministry of Internal Affairs.
4. Annenkov, M.N. (1837) *Mezhdunarodnyy tyuremnyy kongress i angliyskie tyur'my* [International Prison Congress and English Prisons]. *Vestnik Evropy*. 1(2). pp. 701–721.
5. Dedkov, M.G. (1999) *Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii* [Prisons, camps and colonies in Russia]. Moscow: Verdikt 1-M.
6. Poznyshev, S.V. (1924) *Osnovy penitentsiarnoy nauki* [The basics of penitentiary science]. Moscow: [s.n.].
7. Gernet, M.N. (1941) *Istoriya tsarskoy tyur'my* [The History of the Tsarist Prison]. Vol. 1. Moscow: People's Commissariat of Justice of the USSR.
8. Lyubinsky, P.I. (1913) *Uslovnnoe osvobozhdenie i neopredelennye prigovory* [Parole and vague sentences]. *Zhurnal ugovnogo prava i protsessa*. 3. pp. 3–12.
9. Pechnikov, A.P. (2004) *Tyuremnye uchrezhdeniya Rossiyskogo gosudarstva (1649–oktyabr' 1917 g.)* [Prison facilities in Russia(1649 – October 1917)]. Moscow: Shchit-M.
10. Nikitin, V.N. (1873) *Byt arestantov v krepostyakh* [Life of prisoners in fortresses]. St. Petersburg: Kolesov i Mikhin.
11. Russia. (1911) *Polnyy svod zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Vol. 2. St. Petersburg: I.I. Zubkov, Zakonovedenie. Art. 3427–3492.